

Пушкин и декабристы

I

Владимир Ильич Ленин в статье о Льве Толстом писал:

„Если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях“ *.

Это указание гениального вождя мирового пролетариата является для нас руководящим и в изучении богатейшего литературного наследства великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Творчество поэта относится к тому времени, когда наиболее ярким выражением общественного движения тогдашней России было восстание декабристов. Это были годы напряженной борьбы дворянских революционеров (декабристов) и либеральной части дворянства против феодально-крепостнического строя. Эта борьба 20-х годов XIX века получила свое отражение и в художественной литературе и, прежде всего, в творчестве поэтов-декабристов — К. Ф. Рыльева, В. К. Кюхельбекера А. И. Одоевского и их общего друга — певца декабристов — великого Пушкина.

„В примере Пушкина мы имеем писателя, — говорит М. Горький, — который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, — чего и достигал с гениальным умением. Его произведения — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, — все они суть гениальные иллюстрации к русской истории“ **.

Сравнивая творчество А. С. Пушкина с произведениями лучших поэтов-декабристов (например, с поэзией К. Ф. Рыльева), можно сделать тот вывод, что, хотя великий поэт организационно не входил ни в одну из групп декабристов — в тайные противоправительственные общества, — все же творчество его выросло и созрело на той же самой основе, что и декабристское движение.

* Сочин. В. И. Ленина, 3-е изд., том XII, стр. 331.

** М. Горький. „О Пушкине“.

Это видно хотя бы из того, что идеи политических произведений великого поэта, идеи трагедии „Борис Годунов“ — этого замечательного образца пушкинского шекспиризма — очень близки основным идеям декабристов. И у Пушкина, и у вождей декабристов отношение к существовавшей действительности, взгляд на уклад общественной жизни, признание необходимости изменить феодально-крепостнический строй России — в основном, в главном были едины.

А. С. Пушкин в самых разнообразных формах и с присущей ему гениальной глубиной отразил в своих произведениях все основные стороны декабристской революции, ее противоречия. Произведения великого поэта явились фактором огромного влияния на развитие общественного движения тогдашней России. Многие декабристы на следствии давали показания о влиянии на формирование их сознания таких произведений Пушкина, как „Вольность“, „Кинжал“, эпиграмм на царя, Александра I и его душеприказчика — жандарма Аракчеева.

Политические стихотворения Пушкина, пользовавшиеся широкой известностью, в тысячах рукописных копий расходились по рукам среди либеральной молодежи и укрепляли оппозиционное настроение, „жгли глаголом сердца людей“, наполняли их ненавистью к самодержавию, к крепостничеству.

Вот как свидетельствуют о революционизирующем влиянии пушкинских стихов декабристы Пуццин, Якушкин и Штейнгель:

„Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, „Ода на свободу“, „Ура в Россию скачет“ и др. Не было живого человека, который не знал бы его стихов“ (Пуццин).

„В то время не было ни одного сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы революционных стихов Пушкина наизусть“ (Якушкин).

„Кто из молодых людей не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой!“ (Штейнгель).

Пушкин не был членом тайных обществ декабристов, он не участвовал ни в декабрьском восстании на Сенатской площади в Петербурге, ни в восстании Черниговского полка. Но его противоправительственные идеи, его революционные стихи были в памяти каждого участника этих восстаний и звали и на борьбу с самодержавием. Имя великого поэта навсегда связано с именами декабристов — лучших его друзей и братьев.

II

С детских лет Пушкин был настроен вольнодумно. Свободомыслию поэта способствовало раннее ознакомление с французскими писателями XVIII века, особенно чтение произведений знаменитого сатирика Вольтера (о котором Пушкин говорит в стихотворении „Городок“, что это „поэт в поэтах первый“, „всех больше перечитан, всех менее томит“).

В лицейские годы еще более растут „вольнолюбивые мечты“ поэта; развивается, правда, еще не четко, не оформленно политическое созна-

ние, которое уже тогда было оппозиционным феодально-крепостническому строю.

Впервые наиболее полно эта оппозиционность нашла выражение в стихотворении „Лицинию“. 16-летний поэт описывает падение древнего Рима, громит римского тирана — временщика, подчинившего своей власти ранее свободных граждан.

„Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!...
...Любимед деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;...
...Где всё продажное: законы, правота,
И консул и трибун, и честь и красота?“

Поэт заканчивает стихотворение восклицанием:

„Свободой Рим возрос, а рабством погублен!“

В ярко нарисованной Пушкиным фигуре тирана представители либерального дворянства видели свирепого жандарма Аракчеева и его приспешников. В стихотворении „Лицинию“ Пушкин выражает охватившее тогдашнюю передовую дворянскую молодежь чувство глубокой ненависти к тиранам, к крепостному рабству и преклонение перед идеями, зовущими на борьбу за освобождение от ига самовластия.

„Вольнолюбивым мечтам“ Пушкин-либерал учился у будущих декабристов И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера. И эти „вольнолюбивые мечты“, с ростом политического сознания поэта, в недалеком будущем станут политическими идеями и стремлениями прогрессивной части русского помещичьего класса.

Как глубоко ненавидел Пушкин деспотизм и царских вельмож, видно из стихотворения Пушкина „Товарищам“, написанного перед выпуском из лицея в 1817 году.

Поэт зло высмеивает будущих вельмож царского двора:

„Другой, рожденный быть вельможей
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрет себя“.

В эти и особенно последующие годы Пушкин встает перед нами не учеником с гениальными задатками, а величайшим художником, автором целого ряда политических стихотворений, призывающих на борьбу с „самовластием“, с крепостническим гнетом.

Чтобы понять развитие творчества Пушкина, необходимо остановиться на анализе его политических стихов, на разборе его замечательных произведений „Вольность“, „Деревня“, „Кинжал“ и др.

Ровно за сто лет до Великой Октябрьской социалистической пролетарской революции, во второй половине 1817 года, Пушкин написал свою знаменитую „Оду на свободу“ — стихотворение „Вольность“. Как известно, ода „Вольность“ послужила одной из причин ссылки Пуш-

кина на юг России. В этом произведении четко звучит призыв к восстанию рабов, к тираноубийству.

В первых строках своей оды поэт гонит от себя „богиню наслаждения“ и призывает на помощь себе „грозу царей“ — „певицу Свободы“.

„Беги, сокройся от очей,
Цитеры * слабая дарица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру —
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.“

Поэт видит всюду безрадостную жизнь, „неволи немощные слезы“, народ, страдающий под гнетом тиранов.

„Увы! Куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела—Рабства грозный Гений
И Славы-роковая страсть.“

Мы находим в оде „Вольность“ поистине пламенные, революционные строки:

„Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!“

Поэт обращается к власти имущим:

„Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не Природа —
Стоите выше вы Народа,
Но вечный выше вас Закон.“

Пушкин полагал, что „законы“ выше всего, выше не только владык-царей, но и народа, что несоблюдение законов царями приводит их к таким последствиям, как казнь короля Людовика XVI во Франции, как убийство Павла I в России. Об этом поэт и упоминает в своем стихотворении.

Пушкин глубоко ненавидит самодержавие:

„Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле“.

* Цитера (или Афродита) — в религии древних греков богиня любви и красоты.

П. И. Пестель и К. Ф. Рылев.
Рисунки А. С. Пушкина, 1826 г.

Но, оставаясь на почве „Закона“ (что очень характерно для взглядов передовых людей той эпохи), Пушкин осуждает насильственный переворот, ошибочно думая, что все зло самовластия в невыполнении „Закона“. В последних строфах своей оды „Вольность“ он обращается к царям:

„Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой“.

Перед нами одна из характернейших черт противоречий пушкинской политической идеологии: с одной стороны, — глубокая ненависть к самодержавию, призыв рабов к восстанию во имя тираноубийства и, с другой стороны, — осуждение насильственного переворота.

Ода „Вольность“ отражала настроение правого фланга декабристов — членов „Северного общества“, и все же она имела огромное революционное значение.

19 апреля 1820 года Н. М. Карамзин писал о Пушкине:

„Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами либералов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и пр. Это узнала полиция.“

Когда царю Александру I попали в руки эпиграммы Пушкина на жандарма Аракчеева и, особенно, когда царь прочитал „Оду на свободу“ — стихотворение „Вольность“ — он был так взбешен, что в первый момент намеревался приговорить Пушкина к расстрелу или, по

меньшей мере, немедленно заточить в монастырскую тюрьму на Соловках.

Как известно, Александр I, стремясь поскорее воссесть на царский трон, организовал убийство своего отца Павла, но везде и всюду официально сообщалось, что „император Павел умер скоропостижно от апоплексического удара“. Пушкин же в своей оде говорит об убийстве Павла совершенно открыто. Это, главным образом, и привело Александра I в неистовое озлобление. И только благодаря вмешательству таких близких к царю лиц, как Карамзин и Жуковский, ходатайствовавших перед царем о смягчении сурового приговора, Александр „смилоствивился“, ограничившись ссылкой поэта на юг России.¹

Но и в ссылке поэт не перестает писать свои революционные стихи, призывая на борьбу против правительства „венценосного злодея“, против „ига самовластия“.

III

В 1818 году Пушкин написал послание „К Чаадаеву“, в котором ясно заявляет о необходимости решительной борьбы с самовластием.

„...Но в нас горят еще желанья,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,..."

Пушкин говорит о гражданском долге бороться против самодержавия, освободить родину, стонущую „под гнетом власти роковой.“ И первая мысль поэта — о своей многострадальной родине:

„Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.“

Пушкин горячо верил в будущее счастье народов России, которые свергнут царизм, „воспрянут ото сна“ и заживут радостной жизнью.

„Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена!“ *

Эти пророческие слова великого поэта сбылись: достигнув „пленительного счастья“, многонациональный народ Советского Союза воздает должную славу и почесть бессмертному имени своего великого поэта.

Пушкин жил в эпоху самой разнузданной реакции, когда аракчеевщина душила всякую живую, свободолюбивую мысль. Господствовал

* Эти стихи Пушкина были впоследствии выгравированы на тайном значке декабристов, сосланных на каторгу в Сибирь,

феодално-крепостнический строй. Крепостное крестьянство стонало под игом помещиков. Декабристы и их певец Пушкин остро чувствовали необходимость внести какие-то изменения в существующий строй, но все их мысли сводились к одному: к отмене крепостного права и улучшению положения обездоленного крестьянства путем законодательного акта, путем реформы.

В стихотворении „Деревня“, написанном Пушкиным в июле 1819 года, ярко выражен протест против крепостничества:

„...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство диков, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.“

Эта резкая критика крепостнического строя говорит о том, как здраво, трезво смотрел Пушкин на действительность, как ненавистен был ему господствующий строй. Но при всем этом у поэта, как и у других передовых дворян того времени, еще слышатся нотки доверия царю, вера в законодательные реформы.

„Увижу ль, о друзья, народ неугнетенной
И рабство, падшее по маню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?“

Стихотворение „Деревня“ также было использовано декабристами с агитационной целью.

13 июля 1821 г., будучи в ссылке на юге, Пушкин написал свое знаменитое стихотворение „Кинжал“. Пушкина называли певцом „Кинжала“. Это стихотворение твердила вся свободолюбивая молодежь. В огромном количестве списков ходило оно по рукам и зажигало сердца ненавистью к самодержавию, к крепостничеству.

В „Кинжале“ воспевается немецкий студент Занд, убивший реакционера и шпиона Коцебу. Занд был казнен.

„Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И озираясь он трепещет,
Среди своих пиров“.

Пушкин поет восторженный гимн террористу Занду:

„Свободы мученик, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казенном праге.“

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
 Грозя бедой преступной силе —
 И на торжественной могиле
 Горит без надписи кинжал“.

Характерна оценка „Кинжала“ самим автором. В письме Жуковскому летом 1825 года Пушкин говорит: „Вяземский пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н. М. Карамзину два года не писать противу правительства — и не писал. „Кинжал“ не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно“. Излишне говорить, что стихотворение „Кинжал“ было воспринято, — и это правильно, — именно как стихотворение, направленное против самодержавия и также было использовано декабристами в их политических целях.

IV

Почему же противоречива классовая позиция Пушкина, почему, наряду с пламенно-революционными строками, у него проглядывает доверие к закону?

Эта противоречивость исходит из существа классовых позиций буржуазно-либеральной части дворянства, сыном которой был Пушкин. Свергнуть „иго самовластия“, бороться даже за конституционную монархию, за дворянско-буржуазное уничтожение крепостного права можно было только опираясь на силу восстания народной массы. А этого-то дворяне-революционеры и боялись, понимая, что развязывание сил народной революции угрожает существованию всего помещичьего класса, как феодально-реакционной его части, так и буржуазно-либеральной.

Но эта последняя ясно представляла себе, что крепостной, полуфеодальный порядок в России уже изжил себя, что он оковами сжимает страну, втягивавшуюся все более и более в торговый оборот с западными капиталистическими странами и стоящую на пути капиталистического развития. Производительные силы страны все более развивались и требовали себе простора, но производственные отношения становились тормозом на пути развития производительных сил. Передовое дворянство учитывало эту обстановку в России и стремилось к развязке скованных самодержавно-крепостническим строем производительных сил, к установлению такого порядка, при котором оно могло бы управлять страной не через самодержавного царя, а непосредственно через своих депутатов. В этих целях оно готово было пойти на отмену крепостного права, чтобы путем законодательного акта закрепить за собою все земли, находящиеся в распоряжении помещиков, отобрать последние клочки земли у крестьян, превратить последних в батраков и, пользуясь их даровым трудом, еще больше увеличить свои доходы и власть. Эту реформу передовое дворянство мечтало осуществить еще в первые годы царствования Александра I; но царь дальше слов о необходимости произвести конституционные реформы не

шел и представлял дело ограничения своей власти непопулярной забавой „вольнодумцев“.

Передовое дворянство, — представителями которого были вожди декабристов, — не могло, вследствие этого, не быть настроенным противоправительственно. Начали организовываться тайные общества, которые постепенно приходили к мысли о необходимости осуществить свои планы нового государственного устройства революционным путем. Как известно, эти попытки привели к восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Отсюда название участников восстания — декабристы.

Пушкин жил в атмосфере противоправительственного заговора, подозревал существование тайных организаций в России, готовящих преобразование самодержавного строя, страстно мечтал быть членом такой организации, но, к счастью для него и потомства, это по целому ряду причин не осуществилось.

Преобразовательные планы декабристов были изложены наиболее полно в двух замечательных произведениях: в „Конституции“ Никиты Муравьева („Северное тайное общество“) и в „Рабочей Правде“ Павла Пестеля („Южное тайное общество“).

Вспомним „Конституцию“ Никиты Муравьева, тактику „диктатора“ восстания декабристов — князя Трубецкого, и нам станет ясно, что классовая сущность противоречивости первых политических стихов Пушкина та же, что и классовая сущность противоречий идеологии и революционной тактики вождей „Северного общества“.

В самом деле, чего хотел Никита Муравьев, когда предлагал „освободить“ крестьян без земли, когда говорил, что „земли помещиков остаются за ними“, „дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим“.

Безземельное „освобождение“ крестьян, сохранение помещичьих латифундий — что это, как не создание условий для капиталистического развития помещичьего хозяйства, замена внеэкономического принуждения экономическим превращением крепостного крестьянина в батрака?

Подобное решение земельного вопроса, идеи конституционной монархии, характерные для Никиты Муравьева и „Северного общества“, идеи недопущения крестьян к выборам управления страной определяют и тактику Трубецкого — диктатора восстания 14 декабря 1825 года.

Трубецкой думал произвести переворот без кровопролития, отсюда трагическая картина восстания — этого „бунта на коленях“. Противоречивость „бунта на коленях“ и противоречивость пушкинской „Вольности“ и „Кинжала“ вырастают на одной основе — двойственной позиции капитализирующейся части русского помещичьего класса. Группа эта еще не настолько экономически и политически сильна, чтобы бороться с феодально-крепостническим строем, используя при этом силу народной революции. Она глубоко ненавидит строй феодальной

монархии, оковами сжимающий развитие страны, но, в силу классовой своей сущности, страшится подлинной революции, — революции народных масс.

V

Находясь в ссылке в Кишиневе в 1820—1823 гг., Пушкин не приостанавливает свою литературную деятельность. Здесь он заканчивает ранее начатые поэмы — „Кавказский пленник“, „Бахчисарайский фонтан“, написал „Братья разбойники“, атеистическую поэму „Гаврилиада“ и много лирических стихов.

Кишиневский период со всей яркостью говорит о той огромной работе, которою был занят поэт, воплощая в замечательных произведениях свои революционные идеи. Развивались они под сильным воздействием членов „Южного общества“ декабристов и носили более определенный характер. Об этом свидетельствуют написанные в Кишиневе в 1822 г. „Исторические замечания“, где красной нитью проходит мысль поэта о том, что в России „политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян“.

На многих рукописях 1821—1822 гг. поэт набрасывает целый ряд рисунков, изображающих фригийские революционные шапки, силуэты Марата, Занда и др.

Из политической лирики глубоко интересны: стихотворение, посвященное греческому восстанию и послание В. Л. Давыдову — декабристу „Южного общества“.

Пушкин напряженно следил за освободительным движением в Греции и приветствовал восстание следующими стихами:

„Восстань, о Греция, восстань!
 Не даром напрягаешь силы...

 Страна героев и богов,
 Рассторгни рабские вериги“.

Также живо интересовался Пушкин революционными событиями в Испании и в Италии.

В послании к В. Л. Давыдову, написанном в апреле 1821 года, читаем:

„Ужель надежды луч исчез?
 Но нет, мы счастьем насладимся,
 Кровавой чашей причастимся...“

Движение в Испании и Италии не имело успеха, отсюда у поэта вырывается восклицание: „Ужель надежды луч исчез?“

Но заключительные строки послания выражают уверенность в революцию в России...

Огромное революционизирующее значение имели также эпиграммы Пушкина о царях, в большом количестве списков распространявшиеся среди либеральной молодежи.

Вот, например, „Эпиграммы о царях“, приписываемые Пушкину:

„Народ мы русский позабавим
И у позорного стола
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим“.

В одном из документов III отделения о Пушкине говорится, что поэт, узнав о смерти царя Александра I, „изрыгнул следующие адские слова“: „наконец не стало тирана, да и оставшийся род его недолго в живых останется.“

О том, как страшен был Пушкин III отделению, его агентам и всему реакционному дворянству, говорит тот же документ III отделения:

„Мысли и дух Пушкина бессмертны; его не станет в сем мире, но дух, им посеянный, навсегда останется, и последствия мысли его непременно поздно или рано произведут желаемое действие.“

Годы, проведенные Пушкиным в Кишиневе, были годами огромного роста его политического самосознания, которое определялось все отчетливее под революционным воздействием таких активных членов „Южного тайного общества“, как поэт Владимир Раевский, В. Л. Давыдов, Охотников, и деятелей греческого восстания—братьев Ипсиланти.

Весной 1821 года поэт встретился в Кишиневе и с Павлом Ивановичем Пестелем—идеологом и вождем „Южного общества“. Эта встреча произвела на Пушкина сильное впечатление, и в его дневнике от 9 апреля мы читаем:

„Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...“

В ссылке в Кишиневе политический изгнанник Пушкин, „не стесняясь, высказался в присутствии большого общества о самых животрепещущих вопросах того времени“.

И все прогрессивное общество ждало от Пушкина „новых слов, новых идей, новых творений. Споры, все углубляясь, нередко касались самых коренных вопросов общественной жизни России того времени. И здесь Пушкин высказывал самые передовые взгляды своей эпохи, всецело примыкая к идеям декабристов, со многими из которых он так сильно дружил“. *

VI

14 (26) декабря 1825 года несколько полков с оружием в руках, под командой офицеров, вышли на Сенатскую площадь в Петербурге и восстали против царского самодержавия. Но это восстание было в тот же день разгромлено царскими войсками.

Пять главных вождей дворянских революционеров были приговорены царем к казни через повешение. 13 июля 1826 года казнены: Павел

* Газета „Правда“ от 11 декабря 1936 г.

Иванович Пестель, Кондратий Федорович Рылеев, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Петр Григорьевич Каховский и Михаил Павлович Бестужев-Рюмин. Сто двадцать человек было сослано на каторжные работы в рудники далекой Сибири, некоторые разжалованы в солдаты.

По этому поводу в „Эпиграммах на Николая I“, авторство которых приписывается А. С. Пушкину, имеются следующие строки:

„Едва дарем он стал,
И разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь сослал,
Да пятерых повесил“.

О дне восстания декабристов Пушкин не знал, находясь в это время в ссылке в селе Михайловском, бывшей Псковской губернии. Но он предугадывал надвигающиеся события, и все дни, предшествующие восстанию, был в состоянии крайней взволнованности. Да и как мог поэт не волноваться? Ведь он был, несомненно, одним из вдохновителей декабристского движения. Царь знал об этом через многочисленные донесения своих шпииков и очень опасался как бы Пушкин, потрясенный казнью декабристов, не выступил с новыми революционными призывами.

Недаром Николай, в страхе перед возможностью новых революционных выступлений, послал в село Михайловское фельдъегеря с приказом немедленно доставить к нему Пушкина.

Когда поэт был приведен к императору, последний спросил его: „Приняли ли бы вы участие в 14-м декабря, если бы были в Петербурге?“

Пушкин, с присущей ему смелостью, ответил: „Непременно, государь. Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем“.

Поэт чрезвычайно болезненно ощущал потерю своих друзей-декабристов и с чувством глубокой скорби ежечасно вспоминал о них.

В августе 1826 года он пишет Вяземскому: „Повешенные повешены, но каторга ста двадцати братьев, товарищей, друзей — ужасна...“

Опасаясь ареста и обыска и, особенно, опасаясь того, чтобы в его бумагах не нашли какие-либо указания на товарищей, Пушкин уничтожил свои дневники и записки.

В 1826 году Пушкин писал по этому поводу:

„В 1821 году начал я биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не сожалеть об их потере, они были бы любопытны. Я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, со всей откровенностью дружбы или короткого знакомства...“

Что великий поэт всегда помнил о декабристах—свидетельствует тот факт, что на одной из рукописей Пушкин набросал шифрованную стро-

ку, содержащую следующие таинственные буквы: „У. о. с. Р. П. Б. М. К. 25“. Это, несомненно, обозначает:

„Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Бестужева, Муравьева, Каховского, 25-го числа“.

В той же тетради Пушкин взволнованно набрасывает рисунок: ворота, крепостной вал, на валу виселица и пять повешенных на ней. Тот же набросок внизу страницы. Вверху рисунка начата незаконченная фраза: „И я бы мог, как шут на...“ Несколько ниже вновь написано: „И я бы мог...“

В середине 1825 года Пушкин написал стихотворение „Андрей Шенье“, посвященное другу поэта—декабристу Н. Н. Раевскому. Этому стихотворению великий поэт предпосылает весьма характерный эпиграф:

„Но хоть и был я печальным пленником, все же моя лира пробуждалась“.

В уста поэта французской буржуазной революции Андре Шенье Пушкин вкладывает свои сокровенные мысли. В стихотворении звучит тот же боевой революционный гимн,—гимн борьбе и свободе. Поэт Андре Шенье приговорен к казни. Утром следующего дня эта казнь совершится, но „лира юного певца... поет... свободу: не изменилась до конца!“ Поэт остался верен своим идеям.

Андре Шенье славит „священный гром“ революции, ибо

„... он разметал поворную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом“.

Поэт Шенье, как непосредственный участник французской революции, видел гражданскую отвагу своих товарищей—сынов революции,

„...слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ“.

Он видел, как

„От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали“...

Шенье твердо уверяет, что казнь его неотвратима, что завтра он умрет, но, обращаясь к самому себе, говорит:

„Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет:
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих, палачей самодержавных;...“

И снова, сквозь эти гневные строки, слышится гимн свободе, светлый образ которой неотступно стоит перед глазами поэта:

„Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа,
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой:
 Но ты придешь опять со мщением и славой, —
 И вновь твои враги падут...“
 „Падешь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец“.

Стихотворение „Андрей Шенье“ не было напечатано при жизни Пушкина полностью: весь монолог Шенье был цензурой выброшен, но стихи знала вся свободомыслящая молодежь. После декабрьского восстания стихи в целом ряде списков ходили под заголовком „На 14 декабря“. В сентябре 1826 г., после обнаружения этих стихов Пушкина у прапорщика Молчанова, началось большое политическое дело, к которому был привлечен и автор. На допросе, в январе 1827 г., Пушкин заявил, что его стихи не имеют никакого отношения к событиям 14 декабря 1825 г.: „стихи, известные под заглавием „14 декабря“, — суть отрывок из элегии, названной мною „Андрей Шенье...“ „Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря“.

„Дело“ длилось около двух лет и закончилось тем, что за Пушкиным был установлен еще более строгий секретный полицейский надзор.

В письмах к друзьям Вяземскому и Плетневу до и после декабрьского восстания Пушкин неоднократно упоминает о французском поэте Андре Шенье. Образ поэта близок ему. Он недвусмысленно сближает свою судьбу с судьбой французского поэта и как бы утверждает этим свое политическое и поэтическое сгедо.

В письме к П. Плетневу, в первой половине декабря 1825 г., предчувствуя надвигающиеся события, Пушкин пишет:

„Душа! Я пророк, ей-богу, пророк! Я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От(ца) и Сы(на)“.

А в 1826 г., после декабрьского восстания, в письме к Вяземскому говорит о себе: „щастливее, чем Андр. Шенье — я заживо слышу голос вдохновенья.“

VII

Мысль о декабристах не оставляет Пушкина до самых последних дней его жизни. Эта мысль отражена и в письмах (к Вяземскому и др.) и в отдельных произведениях (послание „В Сибирь“, десятая глава „Евгения Онегина“), и в рисунках поэта, и в отдельных пометках на полях рукописей.

Пушкин постоянно думал о судьбе сосланных на каторгу в Сибирь. В январе 1827 г. Пушкин написал свое знаменитое послание „В Си-

бирь“, переданное декабристам в Сибири через А. Г. Муравьеву, ехавшую к мужу—декабристу Никите Муравьеву, сосланному на каторгу. Посылая свой стихотворный привет, Пушкин рисковал, конечно, очень многим, так как всякое сношение с декабристами каралось со всей суровостью.

В своем послании Пушкин говорит о „гордом терпении“ сибирских мучеников, выражает им свою любовь и преданность, надеется на то, что они будут свободны, снова будут вести борьбу с самодержавием, когда „темницы рухнут“ и „оковы тяжкие падут“, снова в их руках окажется меч, чтобы нанести окончательный удар самовластию.

„Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит радость и веселье.
Придет желанная пора.
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут“.

Эти строки, писавшиеся в дни самой ожесточенной николаевской реакции, лишний раз подчеркивают, какое огромное самообладание и мужество имел тогда Пушкин, как здраво смотрел он на действительность, как верен был он идеям декабристов.

Получив послание „В Сибирь“, декабристы были чрезвычайно обрадованы, что их „бард“*, — как называли они своего певца Пушкина, — помнит о них, верен им. В своем замечательном стихотворном ответе Пушкину, написанном в том же году одним из сосланных в Сибирь (предполагают, что ответ написал А. И. Одоевский, хотя авторство его оспаривается), декабристы выражают свою любовь к великому поэту. Они говорят о том, что „скорбный труд не пропадет: из искры возгорится пламя“, что они „скуют мечи из цепей“ и „грянут на царей“.

„Струн веших пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард, * цепями,
Своей судьбой гордитесь мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.“

* Бард — народный певец, пост-импровизатор.

Наш скорбный труд не пропадет:
 Из искры возгорится пламя. *
 И просвещенный наш народ
 Сберется под святое знамя.
 Мечи скуем мы из цепей
 И вновь зажжем огонь свободы,
 И с нею грянем на царей—
 И радостно вздохнут народы“.

В том же 1827 году Пушкин пишет иносказательное стихотворение „Арион“, в котором символически изображает своих друзей—декабристов, говорит об их гибели и случайном своем спасении. Таким образом, поэт не отделяет, не отрывает себя от декабристов.

Содержание „Ариона“ как будто „невинное“, придаться к нему царская цензура не могла. Само название стихотворения взято из древне-греческого мифа о певце Арионе, который во время кораблекрушения был сброшен морскими пиратами в море, но спасся на спине дельфина.

Пушкин подразумевал в „пловцах“, потерпевших „кораблекрушение“, — декабристов, а под Арионом себя, избежавшего трагической участи (каторги и виселицы).

Уцелев от „кораблекрушения“, поэт видит свой священный долг гражданина-революционера в продолжении дела декабристов и поет „прежние гимны“ свободе и борьбе с самовластием.

„Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
 Измял с налету вихорь шумный...
 Погиб и кормщик и пловец!
 Лишь я, таинственный певец,
 На берег выброшен грозою,
 Я гимны прежние пою...“

В лицейскую годовщину 19 октября 1827 г. Пушкин снова вспоминает о декабристах:

„Бог помочь вам, друзья мои,
 И в бурях, и в житейском горе,
 В краю чужом, в пустынном море
 И в мрачных пропастях земли“.

VIII

Пушкину, как уже сказано, приходилось прибегать к иносказаниям так как говорить открыто о декабристах, о борьбе с самодержавием было невозможно.

9 ноября 1828 г. Пушкиным написано второе иносказательное стихотворение „Анчар“, в котором изображается „древо яда“, одиноко растущее в пустыне. Это замечательное произведение звучит тем же пламенным протестом против самодержавия, что и „Вольность“, и „Кинжал“ и другие политические стихи Пушкина.

* Эти слова были взяты девизом для заграничной социал-демократической газеты „Искра“, первый номер которой вышел в декабре 1900 года.

Анчар — дерево яда. К нему и „птица не летит“ и „тигр нейдет“, все его чуждаются. Но вот яд потребовался какому-то владыке, и...

...человека человек
 Послал к анчару властным взглядом:
 И тот послушно в путь потек,
 И к утру возвратился с ядом,
 Принес он смертную смолу
 Да ветвь с увядшими листьями,
 И пот по бледному челу
 Струился холодными ручьями;
 Принес — и ослабел и лег
 Под сводом шалаша на лыки,
 И умер бедный раб у ног
 Непобедимого владыки.
 А князь тем ядом напитал
 Свои послушавые стрелы
 И с ними гибель разослал
 К соседям в чуждые пределы.“

Тяжело чувствовал себя великий поэт среди чуждой, враждебной ему великосветской среды, которую он не раз называл „чернью“. Это было общество николаевских лизоблюдов, мелких интриганов, пошлых и ничтожных людешек. Всю эту реакционную великосветскую чернь поэт ненавидел так глубоко, как только мог ненавидеть он, Пушкин. Эти людишки старались опутать поэта сетями гадких сплетен, травили его, издевались, подобно Булгарину, над ним, встречали „в штыки“ каждое вольнолюбивое слово.]

Полицейский надзор, произвол царских следственных властей, непрекращающиеся уколы подлых николаевских лизоблюдов — все это наводило Пушкина на грустные размышления. И в эти годы, и особенно в 30-е годы, чаще слышатся у поэта мотивы грусти, одиночества.

Поэта мучают тяжелые предчувствия. Он не видит проблеска впереди, там готовятся ему новые преследования, гонения, страдания.

Вот почему в стихотворении „Предчувствие“ (1828 г.) он пишет:

„Снова тучи надо мною
 Собрались в дщине;
 Рок завистливый бедою
 Угрожает снова мне...
 Сохраню ль к судьбе презренье?
 Понесу ль навстречу ей
 Непреклонность и терпенье
 Гордой юности моей?“

Тотчас же после возвращения с Кавказа в Москву, под живым впечатлением своей поездки в Арзрум (Эрзерум), 20 сентября 1829 года, Пушкин написал стихотворение „Кавказ“

Жизнь народностей Кавказа сильно интересовала поэта. Он видел, какой гнет испытывали горцы под самодержавной властью царских чиновников. В своем политическом стихотворении „Кавказ“ Пушкин и хотел

отобразить кипучую жизнь кавказских народностей, их борьбу за свое освобождение. „Кавказ“ и был задуман как стихотворение политическое, а не лирическое, каким обычно его считают. Что это было именно так—свидетельствуют следующие строки в черновиках великого поэта. Под бурным Терекон, рвущимся на простор из горных ущелий,— подразумеваются горные племена Кавказа. В черновике после слов:

„Вотще! Нет ни пищи ему, ни отрады,
Теснят его грозно немые громады“

мы читаем прекрасное четверостишие:

„Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмольный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят“.

Эти строки чрезвычайно ярко изображают тяжелое состояние народностей Кавказа, потерявших свою свободу и независимость и находящихся под пятой русского самодержавия. Именно это негодование горских племен, эту печальную участь поработанного Кавказа и отобразил Пушкин в своем замечательном произведении.

Мотивы „вольности“ не исчезают у поэта до самого трагического конца его жизни. Он так же резко обличает правящие круги, так же глубоко ненавидит самодержавный, феодально-крепостнический строй. До самых последних дней жизни он лелеял мысль об изменении социально-политического порядка в России, о необходимости скорейшей отмены крепостного права. Он ждал великих перемен, о чем совершенно четко заявлял в своих письмах: „избави меня, боже, быть проповедником и поборником рабства. Конечно, должны еще произойти великие перемены“.

В этих словах ясен намек на необходимость отмены крепостного права и изменение самодержавного строя.

IX

В 1830 году Пушкиным была написана и сожжена десятая политическая глава „Евгения Онегина“. Уцелевшие стихи из этой главы говорят о неразрывном идейном единстве Пушкина и декабристов.

Белинский, как известно, назвал роман „Евгений Онегин“ „энциклопедией русской жизни“.

„Евгений Онегин“—это, по словам Белинского,—поэтически воспроизведенная картина русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития... В ней Пушкин является не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания“.*

Герой романа Евгений Онегин возвращается в той же среде, что и сам поэт. Он живет среди свободомыслящих людей, в обстановке, в

* Собр. соч. Белинского, т. XII, стр. 74.

которой создавались тайные кружки и вырабатывались идеалы декабристов и самого Пушкина. Как и Пушкин, Онегин ненавидит деспотизм. Однако, в силу своего необузданного характера, своей разочарованности и праздного образа жизни, герой романа не был способен на сколько-нибудь серьезное общественное дело. Впрочем, были некоторые проблески: приехав в свою деревню, Онегин

„Ярем барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил“

В десятой главе поэт замышлял ввести Онегина в общество декабристов.

Это целиком совпадало с первоначальным планом романа, по которому Онегин должен был „или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов“.

Во время пребывания в Болдино, Нижегородской губернии, 19 октября 1830 года поэт сжег последнюю главу; сохранились лишь незначительные отрывки (первые четверостишия), записанные шифром и разбросанные в беспорядке, что Пушкиным было сделано, видимо, нарочито.

В этих расшифрованных несколько лет назад отрывках дается описание событий после наполеоновской войны и начала декабристского движения.

В первых же строках этой главы снова мы находим весьма нелестные отзывы о царе:

I

„Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда“.

II

„Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра“.

Поэт рисует обстановку, сложившуюся в России в наполеоновскую войну 1812 года. Он дает оценку этой войне и Александру I,—оценку, схожую с мыслями в „сказках“. (поѐл) 1818 г.

III

„Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай *, зима иль русский_бог?“

* Барклай-де-Толли—командующий русскими армиями в 1812 году.

IV

„Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей“.

.....

XII

„Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть“,

.....

Пушкин говорит далее о подготовке декабрьского восстания:

XIII

„У них * свои бывали сходки...“

.....

XIV

„Витийством резким знамениты,
Сбирался члены сей семьи
У беспокойного Никиты ¹,
У осторожного Ильи ²

.....

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луини ³ дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал:
Читал свои новли ** Пушкин,
Меланхолический Якушкин ⁴
Казалось, молча обнажал
Царевбийственный книжал,
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев ⁵ им внимал
И плети рабства неавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян“.

Даем отдельные отрывки из „сказок“ ¹

„Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ!..“

* декабристов.

¹ Никита Муравьев—декабрист.

² Илья Долгорукий—декабрист.

³ Луини—декабрист.

⁴ Якушкин—декабрист.

⁵ Н. И. Тургенев—декабрист.

** Новли—„Сказки“ — „Ура, в Россию скачет“, написанные Пушкиным в 1818 г.

А. А. Дедьвиґ.

„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!...“
„Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

Noël (Нозель)—песенка, шуточное стихотворение, часто встречавшееся у французских поэтов. Пушкин под словами „кочующий деспот“ имеет в виду царя Александра I.

Х

А. И. Герцен в письме к царю Александру II очень ярко охарактеризовал годы царствования Николая Палкина. В своем письме Герцен говорит: „С того часа, когда император Николай вечером 14 декабря (1825 г.) взшел на лестницу Зимнего дворца... Россия попятилась и вошла в холодный, неприветливый коридор, в длинный, „мрачный туннель“... Император Николай увидел, что с образованием больше итти нельзя, не утратив доли деспотического произвола, и отрекся от него, т. е. не от деспотизма, а от образования“.

Всюду Николай Палкин видел грозный призрак революции и все более и более усиливал гнет. В тисках жандармов и III отделения задыхались и гибли лучшие люди страны. Вешатель декабристов царь и жандармы были причиной гибели великого поэта.

Николай принимал всяческие меры, чтобы сделать из Пушкина придворного поэта, царь прибегал к лести, к всевозможным хитростям и полицейским слежкам.

Но темная ночь николаевской реакции не могла затмить „солнца русской поэзии“, гениального певца декабристского движения. Пушкин не изменил декабристам, не стал певцом царя Николая. Он никогда не был и не мог стать лакеем самодержавия.

Отданный под надзор жандармов, на „великую муку“ шефу жандармов Бенкендорфу, связанный тройной цензурой—царя, третьего отделения и цензора, Пушкин даже в те годы, когда каждое неосторожное слово или „дурно скрытая слеза“ участия к декабристам грозила вечной каторгой, в тщательно замаскированной форме продолжал резко критиковать феодально-крепостнический строй. Условия политической реакции наложили неизгладимую печать на творчество Пушкина, но освободительного духа не могли вытравить. До конца дней своих великий поэт остался верен своим вольнолюбивым мечтам, остался верен своим друзьям и братьям—декабристам, как не раз он называл их.

Пророчески угадывая суд потомства, Пушкин говорил в своем предсмертном стихотворении „Памятник“:

„И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал“.

Пушкин перерос своих современников на целое столетие. К нашей радостной сталинской эпохе он неизмеримо ближе, чем декабристы. Даже в ту далекую, глухую пору у великого поэта была мечта о тех счастливых днях, „когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся“.

Оттого и был так ненавистен всему реакционному дворянству, во главе с ярким крепостником-царем и его жандармами, этот смелый сильный, независимый певец Пушкин, владеющий острым словом своей гениальной поэзии.

Потому-то непрекращающаяся полицейская слежка, постоянные ссылки, чудовищная травля и преследовали великого поэта в течение всей его недолгой жизни. Потому-то так подло, гнусно, так предательски и расправился с ним царь и его душеприказчики, направив в поэта выстрел царского агента-убийцы Дантеса.

Поэзия Пушкина—непревзойденное мастерство по ее глубине, красоте, яркости, выразительности и простоте, делающей все произведения великого поэта доступными пониманию широчайших масс трудящихся.

Гениальный критик В. Г. Белинский писал о Пушкине:

„Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, прозрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в естественной, истинной красоте“. *

Пушкин по праву считается великим русским национальным поэтом. Его гениальные художественные произведения обогатили все человечество.

Пушкин является подлинным родоначальником, создателем русского литературного языка, и им совершенно справедливо гордится наш многонациональный Советский Союз.

„Поэты до Пушкина совершенно не знали народа, не интересовались его судьбой, редко писали о нем“,—говорит М. Горький.

„...Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая—в угоду государственной идее „народности“—лицемерным тенденциям придворных поэтов—он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу“. (М. Горький. „О Пушкине“).

Пушкин знал силу, интернациональный характер своей пламенной поэзии, знал, что она нужна, как воздух, не одному только русскому народу, но и другим нациям, борющимся за свое освобождение, за свою независимость. Пушкину дороги были все национальности.

* Соч. Белинского, т. XI, стр. 345.

И он с гордостью говорит об этом интернациональном значении своей поэзии в стихотворении „Памятник“, как бы подытоживая жизненный путь:

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык“.

Пророчество Пушкина сбылось. Нет ни одного уголка в нашей многонациональной великой стране, где бы не знали о Пушкине, где не читали бы его гениальных произведений.

Все народы нашего необъятного Советского Союза любят великого поэта. Потому-то пушкинский юбилей,—стоletняя годовщина со дня трагической гибели поэта—и является праздником всех национальностей страны Советов.

„Поэтический облик Пушкина раскрывается перед народами советской страны как раз в такое время, когда в Сталинской Конституции рукой гениального мыслителя и борца товарища Сталина записаны мысли, чувства, мечты лучших сынов народа, как уже завоеванные рабочим классом и трудящимся крестьянством победы. С вниманием и любовью оглядывается народ-хозяин на свое прошлое. Открываются ему памятники его борьбы, жизни, творчества с древнейших времен.

Может ли быть неблагодарен народ-победитель своему великому певцу, гениальному поэту, который в пленительных стихах воспел страну, живыми красками изобразил народные характеры, пробудил симпатии к вождям крестьянских восстаний, открыл богатства русской речи? Нет, любовь к своей родине, любовь к славному прошлому своего народа неразрывно связана с любовью к русской литературе, с любовью к Пушкину“.

(„Правда“, 5/1 1937 г.).

Только Великая Октябрьская социалистическая пролетарская революция впервые создала Пушкину действительную народную славу великого русского поэта.

В солнечные, радостные дни великой сталинской эпохи, когда наш многонациональный Советский Союз живет новым сталинским законом—самой демократической в мире Конституцией,—когда гений великого СТАЛИНА ведет нас к новым, неизведанным вершинам человеческого счастья—любовь к литературе, к искусству неотделима от творческой, полной страсти и радостного увлечения, жизни народов СССР.

И в этой счастливой, радостной жизни всегда будет памятен и глубоко почитаем создатель русского литературного языка, „родоначальник художественной литературы, смелый борец с самодержавием, пламенный певец революционеров-декабристов—великий Пушкин!

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937